

13. Yaeger L. Evolution of neural complexity. / L. Yaeger, O. Sporns // *Networks & Complex Systems*. – Indiana University, USA, 2006.

Филозоф А.А.
**ИЗУЧЕНИЕ ТРЕВОЖНО-СОМНЕВАЮЩЕГОСЯ
 ХАРАКТЕРА ПОСРЕДСТВОМ КЛИНИКО-
 ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
 ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ А.П. ЧЕХОВА**
Воронежский экономико-правовой институт

В психологической науке существует несколько десятков концепций и классификаций характеров. Первая попытка построения типологии характеров принадлежит древнегреческому мыслителю Платону, который классифицировал мозаику характерологических черт на основе этических принципов. В XIX в. возникает наука о характере: Талль теоретически обосновывает формирование характера на основе 27 элементарных психических способностей человека. Джордано в своей книге «Характер с точки зрения тела и генеалогии человека» выделяет два базовых характерологических типа и один промежуточный – у одного типа тенденции к активности сильна, а к рефлексии слаба, у другого можно наблюдать диаметрально противоположные тенденции [5]. В XX в. интерес к изучению характерологических типов значительно возрастает. Оригинальные концепции характеров предлагает и Э. Фрейд, и К.Г. Юнг, и Э. Фромм, и Э. Кречмер, и многие другие видные теоретики и практики в области психологической и медицинской наук. Не останавливаясь более подробно на истории становления взглядов на природу и методологию классификации характеров, между тем, следует отметить, что книга Э. Кречмера «Строение тела и характер», вышедшая в 1921 году, стала мощным толчком для дальнейших книжно-психологических исследований эзрельских и патагонических характеров в системе координат дихотомии «тело-душа». Э. Кречмер определяет характер как «... сумму всех возможных реакций человека в смысле проявления воли и аффекта, которые образовались в течение всей его жизни (...) из наследственного предрасположения и всех экзогенных факторов» [5, с.16].

Описывая выделенные характерологические типы, он опирается не только на клинический материал, собранный в процессе врачебной работы с пациентами психиатрических клиник, но и на биографические данные и творческое наследие крупных деятелей искусства, таких

как Гете, Шиллер, Шекспир и т.д. Э. Кречмер указывает, что у психически здоровых и неотягощенных психопатическими расстройствами людей мы можем обнаружить те же самые характерологические черты, которые в случае болезни предстают в искаженной форме. Идентичной личности, и для последней они служат разумными регуляторами строения психики и характера – это, по выражению Э. Кречмера, «капельно, изучая патологические характеры, мы можем лучше познать логно здоровых личностей, и наоборот, исследуя типотрансформации характерологических черт в клиническую картину болезни».

Данное положение, сформулированное Э. Кречмером, получило дальнейшее развитие в Терапии творческим самовыражением (ТТС), психотерапевтическом методе, направленном, в первую очередь, на подход, родоначальником которого является отецственный психиатр и психотерапевт М.Е. Бурно, впитал в себя не только идеи Э. Кречмера касательно понимания психической нормы, патологии и терапии душевных расстройств, но и взгляды А.И. Дроцкого, П.Б. Ганнушкина, ТТС – это клиническая терапия духовной культуры, когда дефиниция пациент в творческом общении с миром искусства и посредством освоения определенных форм творческого самовыражения соотносимо своим природным особенностям обретает стойкое светлое образное значение. Через творчество (в самом широком смысле этого понятия) человек в индивидуальных и групповых занятиях ТТС начинает ощущать свою уникальную индивидуальность, характерологический рисунок собственной личности (психастенический, синтонный, аутистический и т.д.) [2], [4]. Кроме того, ТТС имеет и внеучебную область здоровья людей, например в педагогике и психологии, помогая каждому характерологическом радикате [2]. Для психологов изучение характерологических типов на примере анализа произведений искусства может также служить одним из видов самопознания, личностного проиннапательности, развития психологической

Литературное наследие А.П. Чехова — это яркий пример тревожно-сомневавшегося (психастенического) способа структуры рования своего пути как в жизни так и в искусстве. Какие же отличительные признаки присущи тревожно-сомневающемуся характеру «психастеническому раликаду»? Прежде всего, это дефеанзивность — «пассивная оборонительность в противоположность активной, агрессивной обонительности» [4, с.12]. П.Б. Ганнушкин, давший подробное клиническое описание данному складу личности, выделил у психастеников такие характерологические черты: крайнюю нерешительность, тревожность, боязливость, постоянную наклонность к сомнениям, впечатлительность, деликатность, застенчивость, а также педантизм [5]. Тревожное засилье мысли (как правило, бесплодный анализ) превалирует над непосредственными чувственными переживаниями. Не редко люди с этим характерологическим рисунком смягчают свою робость и тревогу приемом небольших доз алкоголя.

А.П. Чехов тонко это отражает в своем рассказе «Припоздну», описывая размышления психастеничного Василия. «От волки у него потеплево в груди. Он с умилением глядел на своих приятелей, любовался ими и завидовал. (...) они горячи, честны, самоотвержены и, как люди, ниче и не хуже его, Васильева, который сторожит как свой шаг и каждое свое слово, мнителен, осторожен и малейший пункт готов возводить на степень вопроса» [7, с.70-71]. Посещение падших женщин со своими приятелями-студентами с целью «хоть один вечер пожить по-человечески» у героя чеховского рассказа Василия провозгласит тягостную бессонную ночь размышлений о спасении всех подобных особ чеховского пола. «Он всячески изошрял свою фантазию, воображал себя самого то братом падшей женщины, то отцом ее, то самого падшей женщиной с намазанными щеками, и все это пришло до его в ужас. Ему почему-то казалось, что он должен решить впрямую, немедленно, во что бы то ни стало, и что вопрос этот не чуждой его собственности. О! напротив силы, поборол в себе отчаяние и, сев и на кровать, обняв руками голову, стал решать: как спасти всех тех женщин, которых он сегодня видел?» [7, с.84]. Наидя, как казалось Васильеву, нужное решение — апостоличество, он почувствовал нечто похожее на вдохновение, но вскоре устал и вспомнил «что у него нет дара слова, что он труслив и малодушен, что равнодушные люди едва ли захотят слушать и понимать его, студента-юриста третьего курса, человека робкого и нитгожного, что истинное апостоличество заключается не в одной только проповеди, но и в делах...» [7, с.86]. Таким об-

разом, осознав, что в своих размышлениях он зашел в тупик, из которого уже никак не возможно выбраться, чеховский герой ощутил мучительную душевную боль, и жизнь представлялась ему отравительной и невыносимой.

Болезненная сосредоточенность на собственных мыслях, нередко имеющих нравственно-этическую направленность, сочетается в человеке с тревожно-сомневающимися характером, с леностью и душевной инертностью, которые не позволяют ему реализовать на практике свои моральные убеждения и порождают, в свою очередь, чувство вины [3]. У А.П. Чехова эту черту психастенической личности мы находим в одной из характеристик главного героя рассказа «Палата № 6» Андрея Ефимовича: «Андрей Ефимыч чрезвычайно любит ум и честность, но чтобы устроить около себя жизнь умную и честную, у него не хватает характера и веры в свое право. Прятать, запрещать и настаивать он положительно не умеет. (...) Когда обманывают Андрея Ефимыча или льстят ему, или подносят для подписи заведомо подлый счет, то он краснеет, как рак, и чувствует себя виноватым, но счет все-таки подписывает, когда большие жалуются ему на голод или на грубый сиделок, он конфузится и виновато бормочет «Хорошо, хорошо, я разберу после... Вероятно, тут недоразумение...» [7, с.118].

Психастенические черты характера иногда гиперкомпенсируются тревожно-сомневающейся личностью, превращаясь в свою противоположность [3]. Так, в чеховском произведении «Дама с собачкой» Гуров предлагает в начале перед читателем как весьма циничный человек, призрачный и женщины и уничижительно называющий их «низшая раса». Случайная встреча с Анной Сергеевной в Ялте, начавшаяся как очередное мимолетное увлечение и переросшая в дальнейшем в сильное любовное переживание, открывает перед нами другие грани характера чеховского героя. Как только Гуров решает вновь увидеть Анну Сергеевну и уезжает из Петербурга на ее поиски в город С., демонстративная гиперкомпенсаторная бравадность в отношениях с женщинами сменяется тревожными сомнениями-размышлениями и робостью, свойственными скорее для психастеника, чем для светского ловлаеса. «Он ходил и все больше и больше ненавидел серый забор, и уже думал с раздражением, что Анна Сергеевна забыла о нем и, быть может, уже развлекается с другим (...) Он вернулся к себе в номер и долго сидел на диване, не зная, что делать, потом обедал, потом долго сидел. «Как все это глупо и беспокойно, - думал он, проснувшись и глядя на темные окна, был уже вечер. — Вот и выспался зачем-то. Что же я

теперь ночью буду спать?» Он сидел на постели покрытой дешевым серым, точно больничным одеялом, и дразнил себя с досадой: «Вот тебе и дама с собачкой... Вот тебе и приключенье... Вот и сила тут» [7, с.453-454]. В финале повести мы видим, как любовь Гурова к Алле Сергеевне смягчает свойственное природе его характера склонность к сомнениям-рассуждениям, но А.П. Чехов не дает своему герою вою с женщиной, которую он впервые в жизни полюбил по-настоящему. «Прежде, в грустные минуты, он успокаивал себя всякими рассуждениями, какие только приходили ему в голову, теперь же ему было не советоваться, говорили о том, как избавиться себя от необходимости прятаться, обманывать, жить в разных городах, не видеться подолгу. Как освободиться от этих пут?» «Как? Как? — спрашивал он, хватая себя за голову. — Как?» И казалось, что еще немного — и решение будет найдено, и тогда начнется новая, прекрасная жизнь, и обом было ясно, что до конца еще далеко-далеко и что самое сложное и трудное только еще начинается» [7, с.458-459].

Не менее яркой иллюстрацией типичного развития любовной коллизии для человека с психастеническим характерологическим складом являются взаимоотношения Алехина с Анной Алексеевной из чеховского рассказа «О любви». Уже при первой встрече с Анной Алексеевной Алехин «почувствовал в ней существо близкое, знакомое» [7, с.414]. «Ее взгляд, изысканная, благородная рука, которую она подавала мне, ее домашнее платье, прическа, голос, шаги всякий раз производили на меня все то же впечатление чего-то нового, необыкновенного в моей жизни и важного» [7, с.415]. Алехин становится другом семьи Луговских, размышляя о несправедливости и превратностях судьбы, которая не дала возможности встретить Анну Алексеевну раньше, до того как она вышла замуж «за неинтересного человека, почти старика» [7, с.416]. Понимая, что его чувство не безответно, что Анна Алексеевна тоже испытывает к нему глубокою симпатию, что хин не предпринимает ни каких шагов для сближения с Луговской, «Психастеническое благородство», тревожность, робость, крайняя нерешительность и неспособность прелатся естественному чувственно-му переживанию порождает в душе Алехина мучительное сомнение и активизирует склонность к нравственным рассуждениям, выполдняющим лишь компенсаторную функцию. «Я любил нежно, глубоко, но я рассуждал, я спрашивал себя, к чему может повести наша любовь, если

у нас не хватит сил бороться с нею, мне казалось невероятным, что эта моя тихая, грустная любовь вдруг грубо оборвет счастлиное течение жизни ее мужа, детей, всего этого дома, где меня так любили и где мне верши. Честно ли это? Она пошла бы за мной, но куда? Куда бы я мог вести ее? (...) И как бы долго продолжалось наше счастье? Что было бы с ней в случае моей болезни, смерти или просто если бы мы разлюбили друг друга?» [7, с.417]. А.П. Чехов психологически точно описывает несколько душевных терзаний своего героя, характерный именно для человека с тревожно-сомневающимся складом личности. Осознавая неизбежность разлуки с Анной Алексеевной, понимая, что сложившиеся обстоятельства помогают избежать мучительного принятия какого-либо решения, Алехин на мгновение полностью отдается чувству, бесположенному все его существо уже долгое время. «Когда тут в купе, взгляды наши встретились, душевные силы оставили нас обок, я обнял ее, она прижалась лицом к моей груди, и слезы потекли из глаз; слезя ее лицо, плечи, руки, мокрые от слез, - о, как мы были с ней несчастны! — я признался ей в своей любви, и со жгучей болью в сердце понял, как ненужно, мелко и как обманчиво было все то, что нам мешало любить» [7, с.419]. Лишь на одно мгновение Алехин способен довериться своей чувственности. Уже через несколько минут он поступает так, как это свойственно психастенику, для которого испытывать цельное чувство гораздо легче на расстоянии, чем в непосредственном общении с объектом обожания. «Я пошеловал в последний раз, пожал руку, и мы расстались — навсегда. Поезд уже шел. Я сел в соседнем купе, - оно было пусто, - и до первой станции сидел тут и плакал. Потом пошел к себе в Софьино пенком...» [7, с.419].

Для тревожно-сомневающегося людей духовно оградивших, лишенных чувства юмора, благородства, здоровой доли оптимизма, жизнь превращается в рутинное, строгое, механически утомляющее существование предопределенного свода правил. Служение «добру», нравственности, навязчивое служение «нравственному закону» оборачивается в свою противоположность и становится тупостным для людей, находящимся в окружении психастеника. Таков чеховский Беников из рассказа «Человек в футляре». «Оно, конечно, так-то, все это прекрестно, да как бы чего не вышло», постоянно повторял чеховский герой [7, с.388]. «Всякого рода нарушения, уклонения, отступления от правил приводили его в уныние, хотя, казалось бы, какое ему дело? Если кто из товарищей опаздывал на молебен, или доходили слухи о какой-нибудь проказе гимназистов (...), то он очень волновался и все гово-

рил, как бы чего не вышло» [7, с.389-390]. Как отмечал Б.П. Гангушкин, «только еще возможна опасность или неприятность не менее, а может быть и более страшная психастенику, чем непосредственно случившаяся» [5, с.520]. «[Д]ожаясь спать, он укрывался с головой; было жарко, душно, в закрытые двери стучался ветер, в печке гудело; слышались вздохи из кухни, вздохи зловещие... И ему было страшно под одеялом. Он боялся, как бы чего не вышло, как бы его не зарезал Афанасий, как бы не забрался вор, и потом всю ночь видел тревожные сны, а утром, когда мы вместе шли в гимназию, был скучен, бледен, и было видно, что многогодовалая гимназия, в которую он шел, была страшна, противна всему существу его и что идти рядом со мной ему, человеку по натуре одинокому, было тяжело» [7, с.391].

Персонажи чеховских произведений, в большинстве своем психастенические натуры, отражают и характерологические особенности тревожно-сомневающегося склада личности самого автора. Например, К.С. Станиславский в своей книге «Моя жизнь в искусстве» описывает застенчивость, тревожность, робость и психастеническую раздражительность Антона Павловича при первом чтении пьесы «Три сестры» в Художественном театре. «В фойе был поставлен большой стол, покрытый сукном, все расселись вокруг него, с Чеховым и режиссерами в центре (...) Автор волновался и чувствовал себя неуверенно на предельском месте. Он то и дело вскакивал, отходил, прохаживался, особенно в те минуты, когда разговор принимал, по его мнению, неверное или просто неприятное для него направление. Обмениваясь впечатлениями по поводу только что прочитанной пьесы, одни называли ее драмой, другие — трагедией, не замечая того, что эти названия приводили Чехова в недоумение. Один из ораторов, с восточным акцентом, начал с пафосом свою речь трафаретными словами: «Я principally согласен не согласен с ав. ором, но...» и т.д. Этого «principally согласен» Антон Павлович не выдержал. Он ушел из театра, стараясь оставить себя наличие «болезненных» черт характера и в письме к А.И. Эртелю писал: «Что касается моего участия в литературном вечере, то не тревожьте моего праха. Я читаю отвратительно, но это бы еще куда ни шло. Главное — у меня страх. Есть болезнь «боязнь пространства», так и я болен болезнью публичности. Это глупо и смешно, но неизбежно. Я отродясь не читал и никогда читать не буду. Простите мне эту странность. Когда-то я играл на сцене, но там я прятался в костюме и грим, и это придавало мне смелость» [1, с.1087].

Литературное творчество было для А.П. Чехова своего рода психотерапией, смягчающей дефензивные переживания и спасающей от ипохондрических, назывчивых сомнений, душевной опустошенности и хандры «...Работая, я всегда бываю в хорошем настроении» [2, с.406]. «А мне надо писать, писать и спешить на почтовых, так как для меня не писать значит жить в долл и хандрить» [2, с.407].

Список использованных источников

1. Безумные грани таланта: Энциклопедия патографий / Автор-сост. Шувалов А.В. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ОАО «ЛЮКС», 2004. — 1212 с.
2. Бурно М.Е. Клиническая психотерапия. / М.Е. Бурно — М.: Академический Проект. Деловая книга, 2006. — 800 с.
3. Бурно М.Е. О характерах людей (психотерапевтическая книга) / М.Е. Бурно — М.: Академический Проект, 2005. — 608 с.
4. Бурно М.Е. Терапия творческим самовыражением. / М.Е. Бурно — М.: Академический Проект, 2006. — 432 с.
5. Психология и психоанализ характера. Хрестоматия по психологии и типологии характеров. / редактор-составитель Райгородский Д.Я. — Самара: Издательский Дом «БАХРАХ», 1998. — 640 с.
6. Станиславский К.С. Моя жизнь в искусстве. / К.С. Станиславский — М.: Искусство, 1980. — 444 с.
7. Чехов А.П. Рассказы и повести. / А.П. Чехов — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1982. — 480 с.

Степанов А.А.

ПРОБЛЕМА САМОРЕГУЛЯЦИИ В ПСИХОЛОГИИ

Воронежский государственный педагогический университет

Проблема личности является очень актуальной в психологии и занимает очень важное место. Этой проблемой занималось большое количество психологов и педагогов (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Л.И. Божович, Морозова И.С., Мухина В.С. и многие другие).

Очень интересным в данной проблеме является вопрос о регуляции человеком поведения, деятельности, психических процессов.

Регулировать, согласно определению, данному в «Словаре русского языка», означает:

1. подчинять определенному порядку, правилам, упорядочивать;